

УДК 323

К ВОПРОСУ О КРИЗИСНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СФЕРЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ СТРАН ПРИБАЛТИКИ

В. А. Смирнов^{*}

Рассматриваются проблемы легитимности политических режимов в странах Прибалтики посредством анализа трех ключевых индикаторов: уровень доверия политическим институтам, распространенность коррупции и состояние партийной системы. Выявляются причины кризисных тенденций в сфере легитимности политических режимов Литвы, Латвии и Эстонии. Обозначается проблема воспроизводства легитимности вследствие фрагментированности и ограниченной репрезентативности национальных партийных систем. Отдельное внимание уделяется компенсаторным механизмам, используемым политическими элитами для «искусственного» воспроизводства легитимности.

Отмечается правомерность постановки вопроса о дефиците легитимности в странах Прибалтики не только с позиций угроз демократическим институтам, но и в контексте слабости государственных институтов, отсутствия достаточных ресурсов для обеспечения государственной состоятельности. В этом отношении дальнейшей разработки заслуживает гипотеза об «экспорте» («заимствовании») ресурсов легитимности малыми странами из крупных государств и межгосударственных объединений, в орбиту влияния которых они входят.

Дефицит легитимности усугубляет риски раскола политических элит в странах Прибалтики, который может стать прологом к глубокому политическому кризису. В этих условиях компенсаторные механизмы не могут рассматриваться лишь как ориентированные на широкие социальные слои. Важнейшим объектом их применения становятся также политические элиты.

^{*} Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Поступила в редакцию 05.06.2015 г.

doi: 10/5922/2074-9848-2015-4-3

© Смирнов В. А., 2015

Ключевые слова: легитимность, кризис, тенденции, политический режим, Прибалтика, Литва, Латвия, Эстония, политический институт, политические элиты

С момента вступления стран Прибалтики в ЕС и НАТО прошло более 10 лет. В последнее десятилетие конфронтационность внешней политики прибалтийских режимов не снизилась, несмотря на гарантии безопасности со стороны евроатлантического альянса и интеграцию в Европейский союз. Дискриминационный институт «неграждан» продолжает существовать в Латвии и Эстонии, наращиваются усилия в области исторической политики и эксплуатации «российской угрозы». В Литве и Латвии введено уголовное наказание за отрицание «советской оккупации». Политические элиты стран Прибалтики активно выступили против переговоров с Россией по вопросам реализации программы «Восточное партнерство».

В прошедшее десятилетие прибалтийские политические элиты оказались перед вызовом формулирования новой положительной цели развития своих государств, которая могла бы заменить завершившееся «возвращение на Запад». Стремясь определить новую «большую идею», столь необходимую для обществ прибалтийских стран, находящихся в сложном социально-экономическом положении¹, местные властные группы задействуют доступные им инструменты, в том числе и политико-идеологического характера: тезисы об «освобождении от советского прошлого» и о «российской угрозе»². Фоном для усиливающихся кризисных тенденций в сфере легитимности режимов стран Прибалтики стала все более взрывоопасная международная обстановка.

С. Липсет дал определение легитимности политической системы как «способности порождать и поддерживать веру, что существующие политические институты являются наиболее подходящими для общества» [24, р. 77]. Р. Коллинз существенно дополняет данное определение, подчеркивая, что легитимность непосредственно связана не только с энтузиазмом или покорностью масс, но и с лояльностью среди политических групп. Делегитимация определяется расколом политических элит и их сомнениями в своей легитимности, а также переходом масс от отчужденности к активным оппозиционным действиям [11].

Легитимность — не абсолютная константа, но скорее величина, подверженная изменениям³. Проблема эмпирического измерения ее уровня — дискуссионный вопрос в политической науке. Не выработано и четких подходов к выявлению эмпирического порога наступления кризиса легитимности. Последний может быть определен как потеря доверия к государственным институтам среди значительной части населения [9]. Однако данное определение нуждается в уточнении и опе-

¹ Показательным индикатором социально-экономического положения является демографическая статистика. По данным последних переписей населения, с 1989 г. население Литвы сократилось на 616 тыс. (более 17 %); население Латвии потеряло около 600 тыс. (более 22 %); население Эстонии уменьшилось более чем на 270 тыс. (около 17 %). Подробнее см.: [3].

² Об интенсификации исторической политики в Восточной Европе см.: [4].

³ Х. Линц отмечает: «Ни один политический режим не является легитимным для 100 % населения... и, вероятно, очень мало режимов полностью нелегитимны и держатся лишь на принуждении» [23, р. 66].

рационализации. Тем более что утрата доверия не означает автоматического «опрокидывания» существующих властных групп или политического порядка в целом.

Отличительная черта кризиса легитимности — его непрявленность до определенного критического момента, постепенное (подчас скрытое даже от внимательного наблюдателя) вызревание. Наблюдая начало посткоммунистических трансформаций в 1990 г., Я. Пакульски утверждал, что коммунистические режимы в Восточной Европе практически мгновенно утратили легитимность в результате массовых протестов на рубеже 1990-х гг. [27]. Однако данное заключение, сделанное в момент стремительного развития событий, было ситуативным. Из поля зрения исследователя выпали кризисные политические процессы и события, нараставшие в Восточной Европе на протяжении нескольких десятилетий. Отсутствие революций и переворотов вовсе не обязательно свидетельствует об идеальном состоянии легитимности власти. «Было бы ошибкой полагать, что режим является легитимным, так как ему открыто не бросают вызов», — подчеркивает М. Доган [15, р. 203].

Политический кризис, ведущий к смене режима или дисфункции (параличу) политической системы в целом, становится кульминацией кризисных тенденций, складывавшихся из ряда менее масштабных конфликтов и изменений в восприятии власти населением и политическими группами. Кризис легитимности с высокой вероятностью может перейти в стадию острого политического кризиса в моменты утраты государством внешнеполитического престижа и/или тяжелого финансового кризиса, социально-экономического коллапса и вызванного этим раскола элит [11]. Сочетание внутренних и внешних кризисных факторов создает условия для усугубления кризиса легитимности.

В рамках настоящей статьи кризис рассматривается как переломный момент в развитии системы, когда нарушения в ее функционировании делают невозможным инерционное движение, приводя к развилке: упрощению (в пределе — распаду) или усложнению системы. Данное определение является наиболее общим и нуждается в дальнейшем уточнении, однако оно позволяет выделить этапы кризисной динамики:

1) накапливающиеся по мере функционирования системы противоречия приобретают качество кризисных тенденций при отсутствии (слабости) противоположных тенденций, ведущих к стабилизации системы в существующем виде;

2) постепенное усугубление кризисных тенденций пересекает «отметку» кризиса в тот момент, когда система больше не может функционировать прежним образом;

3) разрешение кризиса предполагает дестабилизацию системы, ведущую к ее преобразованию — упрощению или усложнению.

С исследовательской точки зрения интерес представляет выбор переменных (индикаторов), которые позволяли бы зафиксировать изменения уровня легитимности и набирающие силу кризисные тенденции до начала полномасштабного политического кризиса. Данные переменные необходимым образом будут связаны с источниками воспроизводства

легитимности. Общим местом стало утверждение, что легитимность в современных обществах основывается на принятии решений согласно установленным процедурам и правилам (обычаям). Однако процедура также нуждается в легитимации посредством указания на высшие инстанции⁴, обоснованные господствующей идеологией [6]. Источником легитимности в случае прибалтийских стран служит идеология либеральной демократии, активно продвигаемая евроатлантическим сообществом и воплотившаяся в демократических институтах. Следовательно, первым индикатором уровня легитимности может служить уровень доверия населения центральным политическим институтам.

Вторым ключевым источником легитимности является эффективное функционирование политических институтов, соответствующее запросам граждан. Кризис легитимности и последующий политический кризис выступают следствиями отставания процесса институционализации от возрастающих социальных запросов [16]. Основными индикаторами уровня легитимности в данном случае могут служить распространенность коррупции и состояние партийной системы, в том числе устойчивость ведущих политических партий. От функционирования партийных организаций и их поддержки в обществе зависит прочность социальной опоры власти [7].

Проблемы легитимности политических элит в странах Прибалтики целесообразно не вырывать из контекста научного осмысления проблем легитимности в Восточной Европе. Западные политологи, как правило, рассматривают нехватку легитимности под углом рисков для либерально-демократической модели. Однако перечень острых вопросов не исчерпывается жизнеспособностью одной только демократической доктрины. Легитимность является необходимым условием бесперебойного функционирования государственных институтов в целом. В этой связи важно отметить, что понятие «посткоммунизм» и теории транзитологии были проблематизированы еще в прошлом десятилетии [10]. В результате в западной политологии вопросы преодоления «коммунистического наследия» постепенно уступают приоритет изучению проблем институциональной дисфункции «молодых демократий» в Восточной Европе [13].

Акцент в научных дискуссиях постепенно сдвигается от условий успешности демократических транзитов к факторам их дальнейшей устойчивости. Так, Ф. Фукуяма оспаривает известную теорию консолидированной демократии, якобы наступающей после успешной передачи власти в рамках двух демократических электоральных циклов, указывая на возможность отката демократизировавшихся режимов к авторитаризму [14]. Т. Карозерс отмечает, что «шаткая половинчатая позиция между развитой демократией и явной диктатурой наиболее распро-

⁴ Так, в последние десятилетия в США фиксируется возрастающее недовольство граждан текущим функционированием политических институтов, однако при этом сохраняется достаточно высокий уровень доверия самим институтам — см. подробнее: [15].

странена сегодня в странах развивающегося и посткоммунистического мира» [10, р. 8].

С этой точки зрения становится понятно, что определения демократии на основе формальных институтов и даже успешной передачи власти на демократических выборах недостаточно, так как неформальные институты могут «перехватывать» управление. В результате демократические институты и принципы могут лишиться определяющего влияния на процесс принятия решений по ключевым вопросам, что может вести к формированию «фасадных демократий». Чрезмерное исследовательское внимание к формальным правилам⁵ оставляет в тени еще одно обстоятельство: вследствие неустойчивости «молодых демократий» их сохранение зависит от «способности широких социальных групп мобилизоваться и защищать свои интересы» [14, р. 88] в отношениях с властными группами. И здесь мы вновь возвращаемся к отмеченной выше центральной роли стабильных партийных систем, отражающих запросы общества, для воспроизводства легитимности.

Неустойчивость и слабые связи политических партий с обществом не могут обеспечить стабильное воспроизводство легитимности, что особенно остро проявляется в странах, переживших в недавнем прошлом глубокие политические трансформации. Как подчеркивает В. И. Коваленко, политические элиты, приходящие к власти в переломные политические периоды, стремительно теряют доверие населения, если за фасадом демократических преобразований не стоят решения назревших социальных задач [2]. Перевод ситуации из режима «трансформации» в режим нормального функционирования предполагает строительство работоспособных институтов. Однако предпосылки для эффективных институтов формируются на протяжении длительного периода политического развития общества, отражая особенности его исторического опыта и политической траектории.

Следовательно, существенное значение для оценки устойчивости «молодых» демократических институтов имеет характер причин и движущих сил политической трансформации, в результате которой они были учреждены. Ф. Фукуяма делает различие между «завоеванными» и «подаренными» демократиями (*granted democracy*), отмечая, что несмотря на относительно кратковременную массовую политическую мобилизацию населения в ходе «бархатных революций» в странах бывшего коммунистического блока, все же «первоначальный толчок исходил от Горбачева» [14, р. 87]. Данный тезис косвенно предполагает, что демократические институты в Восточной Европе остаются уязвимыми, так как в обществе слабы социальные предпосылки для их укрепления и формирования стабильных партийных систем. Поэтому особое значение имеет внешняя поддержка данных институтов в рамках отдельных стран

⁵ Причины данной асимметрии могут заключаться в более сложных процедурах анализа неформальных аспектов политического процесса, предполагающих качественные оценки и не всегда поддающихся формализованной аргументации.

— как политическая, так и информационно-пропагандистская. В сложившихся условиях обращают на себя внимание утверждения экспертов в Соединенных Штатах, настаивающих на необходимости активного продвижения и *защиты* демократий в мире [21].

На фоне украинского кризиса эксперты Института Кеннана (США) заявили об уязвимости демократических институтов прибалтийских государств и необходимости включения в политический процесс национальных меньшинств⁶. Вместе с тем защита демократии предполагает существование ее *врагов* — как внешних, так и внутренних («пятая колонна»). «Демократический режим не разрушается, потому что нет лучшей альтернативы, кроме как реформировать его демократическим путем» [15, р. 203], — утверждают оптимисты. Пессимисты апеллируют к многочисленным историческим примерам упадка легитимности демократических режимов не только вследствие революций, военных поражений и политических кризисов, но также в связи с потерей малыми государствами политического покровительства крупных империй [15].

Опираясь на приведенные выше теоретические основания, рассмотрим более предметно ситуацию с легитимностью в прибалтийских странах, руководствуясь ключевыми индикаторами: уровень доверия населения политическим институтам, уровень коррупции и состояние партийной системы.

В 2001 г. 50% эстонцев, 51% латышей и 59% литовцев считали, что управление страной улучшится в случае возврата к коммунистическому режиму или установления диктатуры [32]. Литовский ученый М. Дягутис, исследуя литовскую политическую культуру, обосновал вывод об отсутствии в стране условий для долгосрочной стабильности демократического режима [12]. «Выживание демократического режима в странах Прибалтики следует рассматривать в контексте перспектив членства в ЕС», — заключал С. Спурга [35, р. 64].

Учитывая приведенные данные на фоне периодически вспыхивающих политических конфликтов⁷ в прибалтийских государствах, лозунг «возвращения на Запад» служил важнейшим, если не ключевым, фак-

⁶ Директором Центра Вудро Вильсона при Институте Кеннана в США М. Рожански было выдвинуто предложение провести «аудит уязвимостей членов НАТО» в Восточной Европе. Выражая понимание озабоченности данных государств «подпитываемыми Россией пятыми колоннами» (очевидно, речь идет, прежде всего, о государствах Прибалтики, хотя они прямо не называются), американские эксперты полагают, что страны региона «не могут закрывать глаза на национальную напряженность во внутренней политике и игнорировать проблемы русскоязычных меньшинств». Поэтому предлагается «увеличить инклюзивность» политических систем. См. подробнее: [31].

⁷ В Латвии в период с 1993 по 2000 г. сменилось восемь кабинетов министров [37]. По данным А. Загайновой, в Эстонии в период с 1991 по 2007 г. ни одно правительство не сумело отработать полный четырехлетний срок. В Литве присоединение к ЕС в 2004 г. совпало с мощнейшим политическим кризисом в связи с досрочным отрешением Р. Паксаса от должности главы государства, в том числе по коррупционным основаниям [38].

тором сохранения легитимности политических режимов в Прибалтике. После вступления в ЕС и НАТО политологи рассматривали как достижение тот факт, что страны Прибалтики не пошли «по пути Молдавии или Югославии» [28, p. 128].

На новейшем этапе развития, в последние 3—5 лет, социологические данные дают противоречивую картину, однако тенденции 1990-х — начала 2000-х гг. по-прежнему заметны. Так, более 80% граждан стран Прибалтики считают, что демократия является подходящей системой управления страной. Однако 41% литовцев и 57% латышей полагают, что более сильный государственный лидер, который не считается с институтами парламентаризма и выборов, был бы полезнее для страны. Кроме того, 10% респондентов в Латвии и 6% в Литве предпочли бы в своей стране военную диктатуру демократии [8]. Фоном для этого служит усиление негативной риторики в СМИ в адрес России, что не проходит бесследно: так, в Литве в 2006 г. Россию врагом считали 61,5% жителей, в 2014-м — 72,5% [1]. В отношении Литвы и Латвии ряд местных исследователей придерживаются тезиса о «порочном круге политического отчуждения», который стимулирует возникновение популистских партий, что усиливает разочарование избирателей политической системой [1].

Текущие социологические данные о доверии граждан стран Прибалтики политическим институтам позволяют внести уточнения в представленные выше общие тенденции. Так, в Литве и Латвии уровень доверия основным политическим институтам — парламенту, правительству и политическим партиям — существенно ниже среднего показателя в рамках Евросоюза. В Эстонии аналогичные показатели превышают европейские (табл. 1). При этом во всех прибалтийских государствах доверие к ЕС заметно превышает средние показатели среди стран-членов Евросоюза.

Таблица 1

Уровень недоверия политическим институтам, %

Политический институт	Литва	Латвия	Эстония	Средний уровень в ЕС
Парламент	84	79	61	69
Правительство	74	75	58	72
Политические партии	85	90	80	82
Европейский союз	35	45	33	58

Источник: [36].

Следует отметить, что за последние 2—3 года показатели доверия политическим институтам в странах Евросоюза несколько увеличились после падения 2008—2009 гг., вызванного экономическим кризисом. Однако уровень недоверия политическим институтам в Литве и Латвии

сохраняется на тревожно высоком уровне (табл. 1). Вразрез с общей тенденцией низкого доверия политическим институтам в странах Прибалтики выстраивается отношение граждан к Евросоюзу. В Литве, Латвии и Эстонии показатели доверия Европейскому союзу значительно превышают средний уровень среди стран — членов ЕС.

По основным индикаторам распространения коррупции страны Прибалтики превышают средние показатели в рамках ЕС (табл. 2). Эмпирические исследования фиксируют в Эстонии наиболее низкий уровень распространения коррупции среди прибалтийских государств. Эстонский опыт противодействия коррупции часто рассматривается как образец для других государств Восточной Европы [22]. Но Литва и Латвия по-прежнему остаются одними из лидеров в ЕС по распространению коррупции.

Таблица 2

Уровень толерантности к коррупции среди населения стран ЕС, %

Страна	Толерантны	Нетолерантны
Литва	62	29
Латвия	68	26
Эстония	38	59
Средний показатель в ЕС	33	64

Источник: [34].

В 2014 г. опубликованы результаты социологического исследования коррупции в ЕС [34]. Согласно полученным данным, Литва занимает первые позиции по убежденности граждан в широком распространении коррупции в стране (95 %, выше показатели только в Греции — 99 % и Италии — 97 %). В Литве больше всего респондентов среди европейских стран утверждают, что знают тех, кто берет взятки (35 %); Латвия по данному показателю находится на четвертом месте (25 %). Литва также удерживает лидерство в ЕС по количеству респондентов, испытавших на себе или наблюдавших проявления коррупции (25 %). На вопрос о том, допустимо ли предлагать чиновнику взятку в обмен на государственную услугу, больше всего респондентов отвечают положительно в Литве (42 %); Латвия удерживает третье место (38 %). Отдельного внимания заслуживает восприятие коррупции в полиции и таможенной службе. Литва и Латвия занимают по данному показателю второе (63 %) и третье место (58 %) соответственно, уступая лишь Румынии (67 %).

Приведенные данные отражают общую ситуацию с распространением коррупции в странах Балтии. Если ограничить угол обзора только политической сферой, то следует отметить, что коррупционные скандалы неоднократно сотрясали в последние годы политическую систему всех трех прибалтийских стран. Детальное описание данных эпизодов выходит за рамки настоящей работы, поэтому обратим вни-

мание лишь на некоторые. В литовской политике можно отметить скандал в партии «Союз Отечества — христианские демократы», связанный с подозрениями в коррупции членов семьи Гарбаравичюсов, влиятельного каунасского клана. Большой резонанс вызвали коррупционные скандалы вокруг деятельности мэра Вильнюса А. Зуокоса — предметом парламентских и судебных расследований стал самый широкий круг эпизодов: от коррупции в сфере городского ЖКХ и махинаций с недвижимостью до «покупки» голосов на выборах мэра. Судебные процессы, несмотря на наличие неопровержимых доказательств, не привели к отставке мэра⁸, он ушел лишь после проигрыша в ходе очередных выборов в 2015 г.

Президент Латвии В. Затлерс в 2011 г. инициировал референдум о роспуске парламента в связи с многочисленными коррупционными скандалами, но уголовное «дело олигархов» так и не было доведено до конца. Доминирование проблематики коррупции укрепило в политологическом дискурсе Латвии категорию «олигархов», которые часто рассматриваются как основные субъекты латвийской политики [8].

В Эстонии в 2013 г. произошел громкий скандал в связи с доказанным фактом подделки голосов, позволивших экс-главе МИДа и депутату Европарламента К. Оюланд войти в правление Реформистской партии Эстонии. Политик была исключена из партии, однако сохранила мандат евродепутата⁹.

Указанные факты отражают тенденции, которые подтверждаются и при более широком эмпирическом анализе в показателях восприятия населением коррумпированности политических институтов (табл. 3).

Таблица 3

Восприятие коррупции по отдельным институтам¹⁰
(1 — некоррумпированный, 5 — полностью коррумпированный)

Страна, год		Партии	Парламент	Армия	НКО	Медиа	Церковь	Бизнес	Образование	Судебная система	Медицина, здравоохранение	Полиция	Публичные чиновники, госслужащие
		Эстония	2013	3,7	3,1	2,0	2,4	2,6	2,1	3,3	2,3	2,8	2,7
	2004	3,5	3,1	2,0	2,8	2,8	1,7	3,1	2,4	3,1	2,7	2,9	—

⁸ См. об этом: *Прокуроры* пытаются перейти «Рубикон» // Экспресс неделя. 2008. 27 июня.

⁹ См.: *Коррупция* и подделка голосов: больше всего кандидатов с темным прошлым в Ляэне-Вирумаа // Delfi. ee. 2015. 13 янв.

¹⁰ По данным Глобального барометра коррупции *Transparency International* за 2004—2013 гг. Для сравнения в таблице также приводятся данные, полученные в результате исследования в Финляндии. См. подробнее: [17].

Окончание табл. 3

Страна, год		Партии	Парламент	Армия	НКО	Медиа	Церковь	Бизнес	Образование	Судебная система	Медицина, здравоохранение	Полиция	Публичные чиновники, госслужащие
Латвия	2013	4,0	3,7	2,3	2,4	3,0	2,1	3,4	2,5	3,5	3,4	3,5	3,8
	2004	4,2	4,0	2,5	2,4	3,1	2,0	3,7	3,0	4,1	3,6	4,0	—
Литва	2013	4,2	4,3	2,4	2,6	3,3	2,5	3,6	3,2	4,3	4,1	3,9	3,9
	2004	4,2	4,2	2,4	2,8	3,2	2,3	3,5	3,0	4,2	3,8	4,1	—
Финляндия	2013	3,4	2,9	1,9	2,4	3,1	2,3	3,3	2,1	2,0	2,4	1,8	2,8
	2004	3,0	2,6	1,6	2,0	2,9	2,3	2,7	1,6	2,0	1,9	1,7	—

Приведенные данные о доверии политическим институтам и уровне коррупции указывают на сохраняющуюся уязвимость и хрупкость политических режимов в прибалтийских государствах. По ряду ключевых показателей Литва, Латвия и Эстония существенно отстают от среднего уровня в ЕС, нередко уступают и многим странам Восточной Европы.

Государственное строительство требует не только формального закрепления свободных выборов и декларации о намерениях политического класса, но и более фундаментальных ресурсов общества. При этом высокий уровень коррупции, будучи индикатором нестабильности государственного образования, далеко не обязательно является основной причиной кризиса легитимности и политических рисков. «Скорее, проблема заключается в недостаточности человеческих и материальных ресурсов, — отмечает Ф. Фукуяма. — Там, где запуск демократических процедур открытости (имеется в виду прозрачность и подотчетность. — В. С.) предшествовал реформе государства, результатом часто являлось широкое распространение клиентализма» [16, р. 12].

Коррупция и дефицит легитимности — широко распространенные проблемы на современном этапе политического развития, и не только в молодых и хрупких, но и в более сильных государствах. Принципиальный вопрос заключается в наличии противовесов, которые могли бы частично нивелировать негативные тенденции. Речь идет о политических институтах, способных «включать» политическую активность и артикулировать интересы граждан, обеспечивая тем самым консолидацию политического сообщества. В современных обществах одними из ключевых инструментов выполнения подобной функции являются политические партии.

Направлять активность политических субъектов в институциональное русло могут различные организации, но в демократических обществах функциональной альтернативы политическим партиям пока не существует. В последние годы ведутся дискуссии об общественных движениях и ситуативных политических ассоциациях, которые якобы могут заменить массовые партии. Однако данные структуры не справ-

ляются с масштабными организационными задачами по регулярной агитации и мобилизации избирателей для обеспечения стабильного выборного процесса. Очевидно, эти задачи не могут решить в полной мере профсоюзы и деловые объединения. Поэтому в случае дисфункции партийной системы центр тяжести политической активности неизбежно смещается в сферу неформальных институтов — клик и клиентел, а также организованных преступных групп, — что увеличивает криминализацию госаппарата. Некоторые симптомы данных процессов в прибалтийских государствах были рассмотрены выше. Таким образом, партийная система выступает основным средством взаимодействия общества и правящей элиты, способным поддерживать легитимность за счет эффективной обратной связи.

Партийные системы Литвы, Латвии и Эстонии демонстрируют как существенные общие черты, так и особенности. Во всех трех странах партийные системы характеризуются слабыми связями с обществом и фрагментированностью¹¹. В Эстонии на протяжении 2000-х гг. наблюдались относительная стабилизация электоральных предпочтений и уменьшение фрагментации партийной системы. Однако парламентские выборы в 2015 г. вновь показали увеличение фрагментации по сравнению с электоральным циклом 2011 г. — в парламент прошли шесть партий вместо четырех¹². Примечательно, что ряд исследователей из стран Прибалтики, диагностируя слабое институциональное развитие, фрагментированность и «коммерциализацию» прибалтийских партийных систем, указывают на связанные с этим риски возрастания податливости российскому влиянию¹³.

Фактически размежевание в партийной борьбе сегодня все больше происходит по отношению к России, при этом эпитет «пророссийский» приобретает сугубо отрицательное звучание. Однако понятие «коммунизм» по-прежнему играет роль важного маркера, линии раскола между различными политическими силами Литвы. На законодательном уровне коммунизм при-

¹¹ В основе данной оценки — анализ данных по явке на избирательные участки, доверию населения партиям, членству в партиях и устойчивости электоральных предпочтений. Партийные системы Литвы и Латвии демонстрируют низкие показатели относительно не только Западной Европы, но и ЕС в целом, учитывая Восточную Европу, тогда как в Эстонии ситуация несколько лучше. См. подробнее: [33].

¹² См. подробнее: *The 2015 Parliamentary Elections In Estonia. Rewarding The Squirrels* // *Baltic worlds*. 2015. 9 марта. URL: <http://balticworlds.com/rewarding-the-squirrels/> (дата обращения: 25.03.2015).

¹³ См. подробнее: [18]. Примечательно, что с констатацией данных проблем выступают не только исследователи, но и действующие на высшем уровне политики. Так, Президент Латвии А. Берзиньш в 2015 г. заявил: «...нашу партийную систему нельзя назвать сильной. Она находится в стадии формирования. У партийной системы нет крепких корней в гражданском обществе, поэтому большинство жителей обоснованно считает, что партии не представляют интересы общества» (*Президент: век латвийских партий — слишком недолгий* // *Latvijas Sabiedriskie mediji*. 2015. 23 февр.).

равнен к фашизму. Если открытое декларирование коммунистических взглядов может привести к уголовному преследованию, то антикоммунистические заявления стали распространенными популистскими приемами. Вместе с тем именно разделение на «посткоммунистов» (к которым относили «Демократическую партию труда Литвы», а затем Социал-демократическую партию Литвы) и «антикоммунистов» (главным образом, «Союз Отечества» как продолжатель традиций «Саюдиса») используется в работах многих литовских исследователей. См. подробнее: [30].

Общей чертой прибалтийских стран является межпартийный раскол по вопросу отношения к коммунистическому прошлому. Политические силы, не поддерживающие доктрину «советской оккупации», автоматически зачисляются в категорию «коммунистических» или «пророссийских» партий. Для партийной борьбы в странах Прибалтики характерно использование «стратегии антагонизации России» [20] — не только с целью маргинализации оппонентов, но и для обоснования собственных политических решений.

Для партийных систем Латвии и Эстонии определяющим также выступает раскол, обусловленный этническим фактором. В результате оппозиционные партии, представляющие значительную часть избирателей, в том числе русскоговорящее меньшинство, не допускаются к формированию правящей коалиции и правительства. В. Петтаи обозначает данный феномен как «остракизм» [29], а Ю. Розенвалдс характеризует сложившуюся ситуацию как «герметизацию» правящих элит [5].

В Литве этнический раскол менее выражен, и основной водораздел проходит между левыми и правыми партиями (при всей условности этой маркировки в литовском случае), отношением к советскому прошлому и взаимодействию с Россией, а также (отчасти) отношением к польскому меньшинству. Можно сказать, что украинский кризис оказал мощное консолидирующее влияние на негативной основе — главные политические партии в Литве (консерваторы и социал-демократы), прежде считавшиеся системообразующими оппонентами, предлагавшими различные повестки дня, в том числе касающиеся отношений с Россией, теперь, по сути, монолитны по большинству внешнеполитических вопросов.

В Латвии партии правящей коалиции опираются на идеологию этнонационализма и используют для конкуренции с имеющей поддержку русскоязычного меньшинства партией «Согласие» не только собственные партийные организации, но и комбинации формальных и неформальных механизмов вне рамок партийной системы. Так, по итогам парламентских выборов в 2011 и 2014 гг. одержавшая победу партия «Центр согласия» (затем — «Согласие») не получила права на формирование правящей коалиции. Это позволяет нескольким правоконсервативным партиям объединяться в коалицию, раз за разом не допуская «Согласие», имеющее альтернативную программу левоцентристского толка, к участию в формировании правительства. В 2011 г. лидеры консервативных партий потребовали от «Центра согласия» признания «со-

ветской оккупации» и латышского языка в качестве единственного государственного в качестве условия допуска к формированию правящей коалиции [8], и это требование не снято. Правящие в Латвии партии националистического толка требуют от социал-демократического «Согласия» принятия их «красных линий» (признания «оккупации» и т. д.), тем самым заведомо консервируя внутривнутриполитический конфликт, «питаясь» от него и удерживая конкурента, имеющего мощную электоральную поддержку, в изоляции.

Во многом схожая ситуация сложилась и в Эстонии. Центристская партия, несмотря на прочное второе место на выборах в парламент (23,3 % голосов в 2011 г. и около 24,8 % в 2015-м)¹⁴ и минимальное отставание от лидера — Эстонской партии реформ, — остается за рамками правящей коалиции (но, как и «Согласие» в Латвии, контролирует столичное самоуправление).

Анализ вышеприведенных данных позволяет сделать предположение о значительном дефиците легитимности политических режимов в странах Прибалтики. Нехватка легитимности, низкое доверие политическим институтам на фоне распространенности коррупционных практик и неформальных институтов существенно повышают риски политической дестабилизации. Слабость партийных систем и политические институты, дискриминирующие национальные меньшинства, ограничивают возможности саморегулирования политической системы в вопросах легитимности. Политические элиты оказываются перед вызовом создания *компенсаторных* механизмов, которые могли бы противостоять негативным тенденциям утраты легитимности.

Одной из приоритетных для них задач в данной связи становится оправдание дискриминационных институтов массового «негражданства» в Латвии и Эстонии, ограничивающих в политических и экономических правах национальные меньшинства. Неразрывно с данной задачей была связана и потребность придать легитимность политическим группам, пришедшим к власти на волне общественных движений — «народных фронтов» в Прибалтике. Эти организации были протестными движениями, создавшими «параллельные органы власти», что требовало прочной идейной основы для их дальнейшего закрепления на властных позициях.

Этнонационализм стал основной программно-идеологической опорой новых политических элит. Провозглашенная доктрина континуитета и популяризация идеологемы «советской оккупации» были использованы для укрепления легитимности этнократической модели демократии в Прибалтике. Роль «положительной» политической программы отводилась интеграции в евроатлантические структуры под лозунгом «возвращения на Запад».

¹⁴ По данным Избирательной комиссии Эстонии — см.: *Upcoming elections in Estonia: 2015 Elections to the Riigikogu*. URL: <http://vvk.ee/general-info/> (дата обращения: 25.03.2015).

В этом контексте широкое распространение получил «дискурс секьюритизации» — использование аргументов о защите от «российской угрозы» для консолидации внутренней поддержки вступления в ЕС и НАТО, а также для укрепления переговорной позиции с западными элитами. Итогом стала выработка и прочное закрепление в политическом дискурсе темы Прибалтики как «форпоста» Запада на границах с «восточным соседом». Данная тема продолжает активно эксплуатироваться в информационном пространстве стран Литвы, Латвии и Эстонии.

Другим компенсаторным механизмом дефицита легитимности политических режимов в Прибалтике стало активное продвижение и институционализация исторической политики. В Литве, Латвии и Эстонии при непосредственном участии государства были созданы многочисленные музеи, исследовательские центры и официальные комиссии по разработке тематики «советской оккупации» и «жертв двух тоталитаризмов», заключающейся в приравнивании нацизма и коммунизма, но с акцентом на «историческую вину» последнего. Можно предположить, что данное направление работы играло вспомогательную роль для обоснования сюжетов этнонационализма и «секьюритизации». Однако со временем историческая политика приобрела самостоятельную логику развития в связи с настойчивыми и небезуспешными попытками участия прибалтийских элит в формировании общеевропейской политики памяти и экспорте своих практик в этой сфере в другие регионы (в частности, это касается Украины). Во внутренней политике стран Прибалтики системная разработка исторических тем была призвана компенсировать «дефицит» истории суверенной государственности. В результате тема «советской оккупации» стала своеобразным маркером в рамках элитных групп, позволяющим провести черту между сторонниками властных режимов и «другими», тем самым способствуя консолидации правящей элиты на основе идей этнонационализма.

Однако данные компенсаторные механизмы имеют известные ограничения. Административные средства и государственная поддержка задавали определенный вектор исторической политики и идеологической деятельности, содействовали их интенсификации, но столкнулись с серьезными проблемами при наполнении ее смысловым содержанием.

Речь идет, прежде всего, о кратковременности суверенной истории прибалтийских государств, проблеме «преодоления» многочисленных фактов коллаборационизма с нацистским режимом и др. В результате особое внимание уделяется акцентировке внешней угрозы со стороны «другого» («восточного соседа»). В этой связи уместно процитировать норвежского исследователя Ойвинда Джагера, охарактеризовавшего ситуацию в странах Прибалтики следующим образом: «...обращение к исторической памяти как средству легитимации государственного строительства воспроизводит тему угрозы и укрепляет дискурс опасности... [Таким образом] обеспечивается оправдание широкой секьюритизации и воспроизводится непрочная идентичность. Именно в силу непрочности и иллюзорности

идентичности, а также по причине слабости и ненадежности государственных институтов весь проект государственного строительства является уязвимым. Дискурс опасности служит инструментом по поддержке государственных институтов, границ и идентичности с тем, чтобы ослабить чувство уязвимости» [19, р. 33]. Схожую оценку ситуации в Литве на фоне последних международных событий дает литовский историк Альгимантас Каспаравичюс, подчеркивая, что «поиск врагов — не говорит о политической и культурной зрелости государства и общества» (*Историк*: литовцы сами стимулируют информационную войну // Delfi.lt. 2014. 2 июня).

Вышесказанное позволяет утверждать, что ситуация в странах Прибалтики соответствовала известному тезису Ю. Хабермаса о том, что «административного производства смысла не существует» [6, с. 118]. Свидетельством недостаточной эффективности исторической политики стала законодательная «криминализация» отрицания «советской оккупации». Соответствующие законы, предусматривающие уголовное преследование и лишение свободы за отрицание «советской оккупации», были приняты в Литве и Латвии в 2010 и 2014 гг. соответственно.

Данные новации были резонансными, но далеко не единственными в ряду действий, которые можно было бы назвать репрессивными компенсаторными механизмами. В их реализации традиционно ведущую роль играли силовые структуры и специальные службы государств Прибалтики. Дискурс «секьюритизации» в силу внутренней логики предполагает активное присутствие специальных служб в публичной сфере страны. Детальный анализ данной темы выходит за рамки настоящей работы, поэтому приведем лишь несколько примеров, позволяющих охарактеризовать ситуацию в целом. Так, Департамент полиции безопасности Эстонии (КаПо) периодически публикует открытые доклады, в которых персонально обозначаются так называемые «враги государства».

В 2012 г. в список «врагов государства» попал вице-мэр Таллина М. Кылварт (см.: *Кылварт*: упоминание моего имени КаПо и вотум недоверия я просто так не оставлю // Delfi.ee. 2012. 18 апр.). В ежегодном публичном отчете полиции безопасности Эстонии за 2011—2012 гг. было выдвинуто обвинение против депутата эстонского парламента Яны Тоом в антигосударственной деятельности, которая выражалась в поддержке русскоязычного образования. В 2014 г. в ответ на обращение Яны Тоом Таллинский окружной суд вынес решение, согласно которому КаПо должно было публично опровергнуть дискредитирующие заявления в отношении политика, однако суд не вынес решений о возмещении морального ущерба и изъятии из обращения опубликованных докладов (см.: *Какие* аргументы привел суд, признавший победу Тоом над полицией безопасности // Delfi.ee. 2014. 27 октября). В конце 2010 г. накануне парламентских выборов был обнародован отчет КаПо, в котором содержались бездоказательные предположения относительно получения денег от российских бизнесменов председателем Центристской партии Эстонии Э. Сависааром на избирательную кампанию (см.: *КаПо* опубликовала отчет о скандале вокруг финансирования Сависаара из России // Delfi.ee. 2010. 21 дек.).

Обращает на себя внимание и практика проведения КаПо регулярных закрытых семинаров для учителей обществознания в Эстонии¹⁵. В Литве методы специальных служб по работе с общественно-политическими процессами во многом схожи (там тоже есть ежегодные доклады Департамента госбезопасности, которые активно продвигаются в СМИ и в основном посвящены отражению «угрозы с Востока»), но отличаются большей демонстративностью. Аналогичные доклады с указанием на «нелояльные элементы» в политических кругах, СМИ и правозащитных организациях выпускаются и латвийскими специальными службами — Бюро по защите Конституции и полицией безопасности МВД. В 2014 г. литовские силовые структуры провели обыски в русских школах Вильнюса в связи с поездками учащихся в российские детско-юношеские лагеря¹⁶. В 2015 г. большой резонанс вызвала волна обысков в квартирах известных литовских журналистов и представителей творческой интеллигенции, заподозренных в «распространении антилитовской информации».

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать ряд выводов о состоянии легитимности политических режимов стран Прибалтики и перспективах их дальнейшего развития. Дефицит легитимности политических режимов в Прибалтике подтверждается рядом эмпирических показателей — прежде всего, низким доверием политическим институтам и распространенностью коррупции. Данные индикаторы характерны и для стран Восточной Европы в целом, однако страны Прибалтики демонстрируют ряд особенностей. Проблема недоверия политическим институтам особенно остро стоит в Литве и Латвии. Фрагментированность и слабая социальная укорененность партийных систем стран Прибалтики затрудняет воспроизводство легитимности традиционным для демократических обществ путем. Дискриминационные институты массового «негражданства», существующие в Латвии и Эстонии, усугубляют проблему регулирования легитимности, блокируя политическое участие и артикуляцию интересов значительных социальных групп. Политическая система в данных государствах не является сбалансированной и устойчивой, а механизм выборов не ведет к формированию репрезентативного состава органов представительной и исполнительной власти. Совокупность данных признаков позволяет говорить о нарастающих кризисных тенденциях, ведущих прибалтийские режимы к усугублению кризиса легитимности, что чревато все большим заимствованием легитимности за счет эксплуатации ресурса внешней угрозы и ведет к политической дестабилизации. Единственной существенной преградой, снижающей темпы развертывания негативных тенденций, выступает сохраняющийся относительно высокий уровень доверия граждан прибалтийских стран к институтам Европейского союза.

¹⁵ См., например: *В обстановке особой секретности полиция безопасности продолжает наставлять учителей* // Delfi. ee. 2015. 19 марта.

¹⁶ См. об этом: *В двух русских школах Вильнюса проводятся обыски* // Delfi. lt. 2014. 3 дек.

Дефицит легитимности ведет к расширению применения политическим режимом средств принуждения [15]. Концептуализировать данную зависимость позволяет различение между «репрессивным» и «инфраструктурным» типами власти [25]. Инфраструктурная власть предполагает не прямое принуждение, но процесс эффективного участия государства в организации общественной жизни, обеспечивающий доверие граждан власти как действующей в интересах общества [26]. Слабость институциональных механизмов воспроизводства легитимности требует активного участия властных групп в воспроизводстве легитимности административными методами, «искусственной» консолидации социальных групп и политических элит в рамках существующих режимов. Данная тенденция находит выражение в широком применении политическими элитами прибалтийских государств компенсаторных механизмов: формирования образа «нации как жертвы» посредством интенсивного использования инструментов исторической политики, нагнетания внешней «российской угрозы», насаждения образа страны как «осажденной крепости». Указанные направления получают идеологическое обоснование в синтезе этнонационалистического и демократического дискурсов, закрепляются в формальных институтах и поддерживаются за счет активного и публичного участия государственных силовых структур и специальных служб в общественно-политических процессах.

Правомерна постановка вопроса о дефиците легитимности в странах Прибалтики не только с позиций угроз демократическим институтам, но и в контексте слабости государственных институтов, отсутствия достаточных ресурсов для обеспечения государственной состоятельности¹⁷. В этом отношении дальнейшей разработкой заслуживает гипотеза об «экспорте» («заимствовании») ресурсов легитимности малыми странами из крупных государств и межгосударственных объединений, в орбиту влияния которых они входят. Иначе говоря, ЕС и НАТО могут обеспечивать малые страны не только экономическими и военными ресурсами, но и «ресурсами» легитимации, поддерживая своим престижем веру местных жителей в безальтернативность существующей системы политического устройства общества.

Дефицит легитимности усугубляет риски раскола политических элит в странах Прибалтики, который может стать прологом к глубокому политическому кризису. В этих условиях компенсаторные механизмы не могут рассматриваться лишь как ориентированные на широкие социальные слои. Важнейшим объектом их применения выступают также политические элиты, консолидация и «герметизация» которых

¹⁷ Ф. Фукуяма характеризует данную проблему следующим образом: «Неопатримониальные государства, притворяющиеся современными политиями, но фактически являющиеся клептократиями, обеспечивающими получение ренты для частной выгоды властных групп» [16, р. 12].

достигается за счет нагнетания внешней угрозы и использования репрессивных мер для формирования этнонационального «консенсуса» элит. Применение данных методов продиктовано соображениями сохранения прибалтийских политических режимов в текущих идеологических и институциональных конфигурациях.

Список литературы

1. *Данные* агентств социсследований Vilmorus и Spinter tyrimai. URL: <http://ru.delfi.lt/news/live/opros-spisok-vragov-litvy-shokiroval-politologa.d?id=64939033> (дата обращения: 25.05.2015).
2. *Коваленко В. И.* Проблемы трансформирующейся демократии в условиях новых вызовов // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2007. №2. С. 8—14.
3. *Межевич Н. М., Шадурский А. В., Грозовский А. М.* Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам. СПб., 2013.
4. *Плохие* предчувствия. Телемост с историком Алексеем Миллером. URL: <http://gefter.ru/archive/14325> (дата обращения: 26.02.2015).
5. *Розенвалдс Ю.* Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. №3(9). С. 149—161.
6. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010.
7. *Эдингер М.* Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с ней вызовы // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия : сб. ст. / под ред. Я. А. Пляйса. М., 2010. С. 13—28.
8. *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On.* Tallinn, 2011.
9. *Bogason P.* Legitimacy Crisis // Encyclopedia of Governance / ed. by M. Bevir. Sage, 2007. P. 522.
10. *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, No 1. P. 7—21.
11. *Collins R.* Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // American Journal of Sociology. 1995. Vol. 100, No 6. P. 1566—1569.
12. *Degutis M.* Politinė kultūra // Lietuvos politinė sistema: sąranga ir raida / A. Krupavičius, A. Lukoðaitis (red.). Poligrafija ir informatika, 2004. P. 98 —104.
13. *Diamond L.* Facing Up to the Democratic Recession // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26, No 1. P. 141—155.
14. *Diamond L., Fukuyama F., Horowitz D., Plattner M.* Reconsidering the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2015. Vol. 25, No 1. P. 86—100.
15. *Dogan M.* Political Legitimacy: New Criteria and Anachronistic Theories // International Social Science Journal. 2009. Vol. 60, Is. 196. P. 203—208.
16. *Fukuyama F.* Why is Democracy Performing So Poorly? // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26, No 1. P. 12—17.
17. *Global Corruption Barometer* // Transparency International. URL: <http://www.transparency.org/research/gcb/overview> (дата обращения: 25.03.2015).
18. *Grigas A.* Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States. L. : The Royal Institute of International Affairs, 2012. P. 2—3.
19. *Jæger Ø.* Securitizing Russia: Discursive Practices of the Baltic States // Peace and Conflict Studies. 2000. Vol. 7, No 2. P. 33—37.
20. *Jakobson M., Balcerė I., Loone O. et al.* Populism in the Baltic States. Tallinn, 2012.

21. *Kagan R.* The Weight of Geopolitics // *Journal of Democracy.* 2015. Vol. 26, No 1. P. 21—31.
22. *Kalniņš V.* Background paper on Estonia // *Anti-Corruption Policies Revisited.* Hertie School of Government, 2014.
23. *Linz J.* Legitimacy of democracy and the socioeconomic system // *Comparing Pluralist Democracies: Strains on Legitimacy* / ed. by M. Dogan. Boulder, 1988. P. 66—72.
24. *Lipset S.* *Political Man. The Social Basis of Politics.* N. Y., 1959.
25. *Mann M.* The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms, and Results // *Archives Européennes de Sociologie.* 1984. Vol. 25. P. 185—213.
26. *Mann M.* *The Sources of Social Power. Volume I. A History of Power from the Beginning to AD 1760.* Cambridge, 1986.
27. *Pakulski J.* Eastern Europe and 'Legitimacy Crisis' // *Australian Journal of Political Science.* 1990. Vol. 25, No 2. P. 272—288.
28. *Pettai V.* Explaining Ethnic Politics in the Baltic States: Reviewing the Triadic Nexus Model // *Journal of Baltic Studies.* 2006. Vol. 37, No 1. P. 124—136.
29. *Pettai V., Auers D., Ramonaitė A.* Political development // *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On.* Tallinn, 2011. P. 144—163.
30. *Ramonaite A.* Posovietinės Lietuvos politinė anatomija. Pilietinės visuomenės institutas, Vilniaus universitetas. Tarptautinių santykių ir politikos mokslų institutas. Vilnius, 2007.
31. *Rojansky M.* Why Ukraine's future is vital to West // CNN. November 2014. URL: <http://edition.cnn.com/2014/11/03/opinion/rojansky-west-ukraine-elections> (дата обращения: 25.03.2015).
32. *Rose R.* Advancing Into Europe? The Contrasting Goals of Post-Communist Countries. In *Nations in Transition.* N. Y., 2002.
33. *Saarts T.* Comparative Party System Analysis in Central and Eastern Europe: the Case of the Baltic States. 2011. Vol 3, No 3. P. 83—104.
34. *Special Eurobarometer 397.* February 2014. URL: ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_397_en.pdf (дата обращения: 25.03.2015).
35. *Spurga S.* Europeanization of Civil Society in the Baltic States: Promotion or Constraint of Democratization? // *Viešojo Politika Ir Administravimas.* 2007. No 22. P. 64—76.
36. *Standard Eurobarometer 80.* November 2013. URL: ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb80/eb80_anx_en.pdf (дата обращения: 25.03.2015).
37. *The Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania* / ed. by D. Smith [et al.]. N. Y., 2002.
38. *Zagainova A.* Challenges of Anti-Corruption Politics in Post-Communist Countries // *Corruption and Development of the Anti-Corruption Campaigns.* Palgrave Macmillan, 2007.

Об авторе

Вадим Анатольевич Смирнов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

ON CRISIS TRENDS IN THE LEGITIMACY OF THE POLITICAL REGIMES OF THE BALTIC STATES

V. Smirnov*

*Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

Submitted on June 05, 2015

This article considers the legitimacy of political regimes in the Baltic States by analysing three major parameters: confidence in political institutions, level of corruption, and the development of their party systems. The author identifies the major crisis trends in the legitimacy of the political regimes of Lithuania, Latvia, and Estonia. The article stresses the problem of legitimacy reproduction resulting from the limited representation of the national party systems. Special attention is paid to compensatory mechanisms used by political elites to 'artificially' reproduce legitimacy. It makes sense to analyse the deficit of legitimacy in the Baltic States not only in the context of threats to democratic institutions but also considering weaknesses of public institutions and insufficient resources to ensure stateness. This requires developing a hypothesis about smaller states 'importing' legitimacy from larger states and intergovernmental organisations, in whose zone of influence they are included. In other words, the EU and NATO can provide smaller states not only with economic and military resources but also legitimation 'resources' using their prestige to support the belief of local residents that there is no alternative to the current political system of social organisation. Legitimacy deficit increases the risks of a rift between political elites in the Baltic States, which can become a prologue to a deep political crisis. In these conditions, compensatory mechanisms cannot be considered as targeted exclusively at broad social strata. They are also aimed at political elites, whose consolidation or 'encapsulation' is achieved by exaggerating external threats and resorting to repressive measures in an attempt to develop an ethnonational consensus. These methods are used to ensure self-preservation of the Baltic States political regimes within the current ideological and institutional configuration.

Key words: legitimacy, crisis, trends, political regimes, the Baltic States, Latvia, Lithuania, Estonia, political institutions, political elites

References

1. *Vilmorus u Spinter tyrimai*, 2015, available at: <http://ru.delfi.lt/news/live/opros-spisok-vragov-litvy-shokiroval-politologa.d?id=64939033> (accessed 25.05.2015).
2. Kovalenko, V.I. 2007, Problemy transformirujushhejsja demokratii v uslovijah novyh vyzovov [Problems of transforming democracy in the face of new challenges], *Vestnik MGU. Serija 12. Politicheskie nauki* [Vestnik MSU. Series 12. Political sciences], no. 2, p. 8.
3. Mezhevich, N.M., Shadurski, A.V., Grozovsky, A.M. 2013, *Otnoshenija Rossii i stran Pribaltiki: ot upushhennyh vozmozhnostej k real'nyh perspektivam* [Relations between Russia and the Baltic countries from missed opportunities to real prospects], St. Petersburg.
4. *Plohie predchuvstvija. Telemost s istorikom Alekseem Millerom* [Bad feeling. Teleconference with historian Alexei Miller], 2015, available at: <http://gefter.ru/archive/14325> (accessed 26.02.2015).

5. Rozenvalds, Yu. 2012, Problema «(de)germetizaciji» politicheskoj jelity Latvii i Jestonii: perspektivy russkojazychnogo men'shinstva [The problem of "(de)sealing" of the political elite of Latvia and Estonia: Russian-speaking minority perspectives], *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], no. 3(9), p. 149-161.

6. Habermas, Yu. 2010, *Problema legitimacii pozdnego kapitalizma* [The problem of legitimation of late capitalism], Moscow, p. 118.

7. Edinger, M. 2010, Politicheskie jelity v postkommunisticheskikh gosudarstvah: smena jelit i svjazannye s neju vyzovy [The political elites in post-communist states: a change of elites and the related challenges]. In: Plyays, Ya. A. (ed.), *Demokratija. Vlast'. Jelity: Demokratija vs jelitokratija* [Democracy. Power. Elite: democracy vs elitocracy], festschrift, Moscow, p. 13–28.

8. *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On*, 2011, Tallinn, Princeton Trükikoda, p. 163.

9. Bogason, P. 2007, Legitimacy Crisis. In: Bevir, M. (ed.), *Encyclopedia of Governance*, Sage, p. 522.

10. Carothers, T. 2002, The End of the Transition Paradigm, *Journal of Democracy*, Vol. 13, no. 1, p. 7-21.

11. Collins, R. 1995, Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse, *American Journal of Sociology*, Vol. 100, no. 6, p. 1566.

12. Degutis, M. 2004, Politinė kultūra. In: Krupavičius, A., Lukošaitis, A. (eds.), *Lietuvos politinė sistema: sąranga ir raida*, Poligrafija ir informatika, p. 98.

13. Diamond, L. 2015, Facing Up to the Democratic Recession, *Journal of Democracy*, Vol. 26, no. 1, p. 141-155.

14. Diamond, L., Fukuyama, F., Horowitz, D., Plattner, M. 2015, Reconsidering the Transition Paradigm, *Journal of Democracy*, Vol. 25, no. 1, p. 86-100.

15. Dogan, M. 2009, Political Legitimacy: New Criteria and Anachronistic Theories, *International Social Science Journal*, Vol. 60, no. 196, p. 203.

16. Fukuyama, F. 2015, Why is Democracy Performing So Poorly? *Journal of Democracy*, Vol. 26, no. 1, p. 12.

17. Global Corruption Barometer, 2015, *Transparency International*, available at: <http://www.transparency.org/research/gcb/overview> (accessed 25.03.2015).

18. Grigas, A. 2012, *Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States*, London, The Royal Institute of International Affairs, p. 2-3.

19. Jæger, Ø. 2000, Securitizing Russia: Discursive Practices of the Baltic States, *Peace and Conflict Studies*, Vol. 7, no. 2, p. 33.

20. Jakobson, M., Balcerė, I., Loone, O., Nurk, A., Saarts, T., Zakeviciute, R. 2012, *Populism in the Baltic States*, Tallinn University.

21. Kagan, R. 2015, The Weight of Geopolitics, *Journal of Democracy*, Vol. 26, no. 1, p. 21-31.

22. Kalniņš, V. 2014, Background paper on Estonia. In: *Anti-Corruption Policies Revisited*, Hertie School of Government.

23. Linz, J. 1988, Legitimacy of democracy and the socioeconomic system. In: Dogan, M. (ed.), *Comparing Pluralist Democracies: Strains on Legitimacy*, Boulder, Westview Press, p. 66.

24. Lipset, S. 1959, *Political Man. The Social Basis of Politics*, New York, Doubleday, p. 77.

25. Mann, M. 1984, The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms, and Results, *Archives Européennes de Sociologie*, Vol. 25, p. 185-213.

26. Mann, M. 1986, *The Sources of Social Power. Volume I. A History of Power from the Beginning to AD 1760*, Cambridge, Cambridge University Press.

27. Pakulski, J. 1990, Eastern Europe and 'Legitimacy Crisis', *Australian Journal of Political Science*, Vol. 25, no. 2, p. 272-288.

28. Pettai, V. 2006, Explaining Ethnic Politics in the Baltic States: Reviewing the Triadic Nexus Model, *Journal of Baltic Studies*, Vol. 37, no. 1, p. 124-136.
29. Pettai, V., Auers, D., Ramonaitė, A. 2011, Political development. In: *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On*, Tallinn, Printon Trūkikoda, p.144-163.
30. Ramonaite, A. 2007, *Posovietinės Lietuvos politinė anatomija. Piliietinės visuomenės institutas, Vilniaus universitetas. Tarptautinių santykių ir politikos mokslų institutas*, Vilnius: Versus aureus, p. 208.
31. Rojansk,y M. 2014, Why Ukraine's future is vital to West, *CNN*, November 2014, available at: <http://edition.cnn.com/2014/11/03/opinion/rojansky-west-ukraine-elections> (accessed 25.03.2015).
32. Rose, R. 2002, *Advancing Into Europe? The Contrasting Goals of Post-Communist Countries. In Nations in Transition*, New York, Freedom House, p. 42.
33. Saarts, T. 2011, *Comparative Party System Analysis in Central and Eastern Europe: the Case of the Baltic States*, Vol. 3, no. 3, p. 83-104.
34. *Special Eurobarometer*, 2014, no. 397, February, available at: ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_397_en.pdf (accessed 25.03.2015).
35. Spurga, S. 2007, Europeanization of Civil Society in the Baltic States: Promotion or Constraint of Democratization? *Viešojo Politika Ir Administravimas*, no. 2, p.64.
36. *Standard Eurobarometer*, 2013, no. 80, November 2013, available at: ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb80/eb80_anx_en.pdf (accessed 25.03.2015).
37. Smith, D., Pabriks, A., Purs, A., Lane, T. (eds.), 2002, *The Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania*, New York, Routledge, p. 83.
38. Zagainova, A. 2007, Challenges of Anti-Corruption Politics in Post-Communist Countries. In: *Corruption and Development of the Anti-Corruption Campaigns*, Palgrave Macmillan.

About the author

Dr Vadim Smirnov, Senior Research Fellow, the Faculty of Political Science, Moscow State University, Russia.
E-mail: VSmirnov@kamtiana.ru